

Тимощук Елена Андреевна

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ

Социокультурная феноменология исходит из того, что множество трансцендентальных субъектов созидают мир культуры через феноменологические стратегии онтологической плюральности и конститутивности жизненного мира. При этом интенциональность способствует образованию стыков между разнородными культурными мирами, а конкретизация как метод контекстного соотнесения генерирует консенсусные образования, смысловые кластеры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 1. С. 180-182. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

25. Полевой материал автора статьи Таковой А. Н.: интервью с жителем с. Кахун Урванского района (КБР) М. Семеновым: записано 2 сентября 2017 г.
26. Полевой материал автора статьи Таковой А. Н.: интервью с жительницей г. Нальчика (КБР) В. Маховой: записано 28 августа 2017 г.
27. Районы и города Кабардино-Балкарии по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. Нальчик: Госкомстат КБР, 2003. 161 с.
28. Северный Кавказ: взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития / под ред. А. Г. Матвеевой, А. Ю. Скакова, И. С. Савина. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. 172 с.
29. Тетуев А. И. Этнополитические процессы в Кабардино-Балкарии в начале XXI в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 36-41.
30. Численность населения Ставропольского края по итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г.: предварительные итоги. Ставрополь: Статистическое управление Ставропольского края, 1980. 84 с.

MIGRATION PROCESSES IN TWO-SUBJECT NORTH CAUCASIAN REPUBLICS (KABARDINO-BALKARIA AND KARACHAY-CHEKKESSIA) AT THE MODERN DEVELOPMENTAL STAGE

Takova Aleksandra Nikolaevna, Ph. D. in History
Kabardian-Balkarian Institute of Humanities Researches, Nalchik
sanatakova@yandex.ru

The paper considers the most significant aspects of migration processes occurring currently in two-subject North Caucasian Republics – Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia. The author analyzes the factors stimulating stable labour and academic migration from sub-regions, examines the motives for migration outflow of the Russian population, tackles the problem of migrants arriving in sub-regions, and identifies the peculiarities of pendulous migration.

Key words and phrases: migration processes; employment sphere; unemployment; pendulous migration; social sphere; migration outflow.

УДК 303.01

Философские науки

Социокультурная феноменология исходит из того, что множество трансцендентальных субъектов создают мир культуры через феноменологические стратегии онтологической плюральности и конститутивности жизненного мира. При этом интенциональность способствует образованию стыков между различными культурными мирами, а конкретизация как метод контекстного соотношения генерирует консенсусные образования, смысловые кластеры.

Ключевые слова и фразы: конститутивность; феноменология; Гуссерль; социодинамика; жизненный мир; интересубъективность; многослойность; феноменология культуры.

Тимошук Елена Андреевна, к. филос. н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России
e@timos.elcom.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ

Феноменология в своём первом определении звучала как «теория иллюзии» и далее она понималась как дисциплина, изучающая все модусы сознания, включая воображение, грёзы, кажимости. Феноменология сродни методу Оккама, только это скорее кисть, нежели бритва для устранения заблуждений [4, р. 13, 14, 17].

В процессе чистого описания происходит не только дескрипция фактов, но и всевозможного недостоверного знания. То, что может сблизить науку, индивидуальную судьбу, человеческую историю под зонтиком феноменологии, – это избавление от иллюзий. «Избавление от иллюзии» звучит как негативная гносеология, однако речь идёт о положительном процессе всё более ясного понимания мира, человека, общества, природы. Этот процесс можно с полным основанием считать универсальным, а в условиях информационного общества он стал ещё и глобальным и более ускоренным в связи с усилением научного познания и светского образования за последние 100-200 лет.

Терминологический аппарат описания генезиса заблуждений очень широк. Он начинает свою историю от разделения понятий «алетей» и «докса» в античности, развивается в духовных традициях Запада и Востока (гьяна и майя, престиж как обман), проходит через идолов Ф. Бэкона и особенно развивается в психологии (стереотипы, шаблоны, схематизм, редукция, обобщения). Психоанализ связал появление разных комплексов с негативным детским опытом (насилие, игнорирование эмоциональных потребностей, наблюдение аморального поведения близких). Холотропная психология, нейрофизиология генетических энграмм вслед за индизмом, буддизмом указывают на возможность переноса кармических импульсов (самсары, скандхи), трансляции родовой памяти как устойчивых иллюзорных комплексов и установок.

Особое место феноменологии науки заключается в критике религиозных иллюзий, к которым относятся восприятие Другого (иноверие, тоталитарная секта, деструктивный культ и другие виды гипостаживания), а также богословские стереотипы, которые возводятся по нескольким моделям: 1) апофатика – отрицание у Бога тех качеств, которые есть у человека (тело, пол, желания); 2) аналогия – перенесение свойств животных или человека на Бога (критику зооморфных и антропоморфных мифов провёл представитель элейской школы Ксенофан в VI в. до н.э.).

Вклад феноменологии в науку – терпимость к противоречиям, многозначности и неоднородности в познании, у которых, несомненно, существует и тёмная сторона, однако феноменология видит в противоречиях источник естественности и развития бытия.

Не только религия поддерживает свою устойчивость направленностью сознания участников контактной группы. Одним из типов социокультурных объектов выступают научные представления.

Наука получает материал из реального бытия (эмпирические факты), а также идеального бытия (теоретические установки), обрабатывает результаты исследования в поле идеального бытия и стремится воплотить результаты исследования в реальном бытии.

И научные, и социорелигиозные объекты имеют сходные зависимости: они имеют своим источником сознание и зависят в своей качественной определённости от работы сознания. Однако, поскольку наука и религия имеют разные цели, которые в самом общем виде можно определить как инструментальную и экзистенциальную, идентичность этих объектов хранится разными социальными средами. Демаркация религии и науки идёт на пользу поддержанию их самотождественности.

Идеальные объекты науки не нуждаются в точной материализации, более того, она невозможна (идеальный газ, число, линия). Попытка физикализации идеальных объектов вызывает улыбку, как это гротескно выразил В. Хлебников в произведении «Скуфья скифа»: «Я знал, что $\sqrt{-1}$ несколько не менее вещественно, чем 1; там, где есть 1, 2, 3, 4, там есть и -1, -2, -3, и $\sqrt{-1}$, и $\sqrt{-2}$, и $\sqrt{-3}$. Где есть один человек и другой, естественный ряд чисел людей, там, конечно, есть и -человека, и -2 людей, и -3 людей и n-людей = $\sqrt{-n}$ людей... Мы взяли $\sqrt{-1}$ и сели в нем за стол...» [3].

Однако наука не может отказаться от идеальных объектов. Юриспруденция невозможна без понятий объективности, истинности, справедливости, хотя никто не может найти в природе эти объекты. Без идеальных объектов математики, геометрии невозможна архитектура, информатика, современное естествознание.

Наука сегодня вынуждена учитывать онтологическую неоднородность. Социальное памятование уже не может осуществляться через универсальность, общезначимость. Существование культурных ценностей и смыслов продолжается в разнородных художественных, религиозных и иных группах благодаря интенциональности сознания. Поэтому одной из важнейших компетенций в области общественных дисциплин должно быть понимание открытости теории, её незавершённости, контекстуальности. В этом смысле политика тотального тестирования в современном образовании не учитывает специфику гуманитарных наук. Только эксперт лично в той или иной области социогуманитарного знания может компетентно оценить способности и навыки учащегося.

Социокультурная феноменология политики может помочь нам дать ответ на феномен современного общества. При всём разнообразии его идентичностей – глобальное, постиндустриальное, массмедийное, секулярное, открытое, информационное, постмодернистское, постсексуальное, *posthuman*, *transhuman*, технократическое, нам не хватает итогового концепта для его понимания. Возможно, такой характеристикой выступила бы такая характеристика, как сложность. Вместе с тем древние цивилизации Египта и Шумера также были в своём смысле сложными, и этот структурный принцип не даёт нам специфики отличия обществ. Скорее, такой существенный признак, как нелинейные процессы социодинамики и управления, отличает современное общество от классического иерархического общества.

Политика с точки зрения социокультурной феноменологии предстаёт как коллективная ценностно-смысловая среда, опосредующая свою истинность посредством включения/исключения участников коммуникации.

Поскольку человек не может реализовать смысловую интенциональность вне общества, intersubъективность выступает априорной генерализующей структурой сознания, трансцендентальной предпосылкой любого эмпирического сообщества [1, с. 466].

Политическое измерение феноменологии – это новый, развивающийся тренд. Среди российских авторов попытку рассмотреть политические феномены как очищенные от иных наслоений предпринял А. М. Пятигорский, выдвинув абсолютные политические явления: власть, государство, революция, война. Интересно его предложение сохранять нейтральность рассмотрения политических феноменов за счёт включения аполитичного наблюдателя-философа. Это бы позволило отстраняться от психологических, мифологических и мистических установок. Однако предложение очистить политическое мышление от экономических явлений представляется невыполнимым, т.к. интегративность политэкономической составляющей в общественных процессах очень велика [2].

Можно выделить следующие аспекты феноменологии как метода в познании политического:

- 1) вынесение за скобки вопросов истины, добра и зла;
- 2) отстранённость от противоречий и соперничества в стремлении понять политические феномены как они есть;
- 3) признание субъективности как ведущей ценности в социокультурной динамике;

4) рассмотрение политического как амбивалентной связки универсального и этноцентричного, дискурсивного и контекстуального;

5) ориентация на мирное разрешение конфликтов через фасилитацию, дипломатию и консенсус;

6) поиск смысловых структур и значений в политике и реконструкция поведения на основе ценностно-смысловых паттернов; политические устремления, движущие субъектами и массами, не могут игнорироваться как иллюзорные, их следует распознавать как осмысленные в определённом контексте;

7) отход от эпистемологической оценки политического дискурса как истины самой по себе, феноменология должна вопрошать;

8) повышение рефлексивности участников политических конфликтов через феноменологические процедуры, поскольку это позволяет посмотреть, как события и процессы предстают перед глазами Другого.

В качестве примера бракетирования в политическом мышлении мифологем может быть заключение в скобки ассоциаций на термин «империя», который сегодня в Европе и США используют pejоративно, как угрозу миру и стабильности, указывая, что Россия не должна стать империей вновь, присоединяя к себе те народы, которые добровольно хотят вступить в её состав. Термин «империя» не отражает современных типов отношений интеграции, которые складываются между соседними государствами. В таком случае США – это тоже империя, вкуче с Канадой, Великобританией, Австралией, Новой Зеландией и всеми своими заморскими протекторатами. Имперская политика Европейского союза проявляется в ограничении субъектов этого образования в монетарной политике и политических решениях. Обвинение в имперских амбициях непродуктивно для политического мышления, а сравнение современных «империй» с такими автократиями прошлого, как Шумер, Вавилон, Рим, Византия, не выдерживает критики.

Феноменология политики тесно связана с понятием «внутреннее время» или фиксацией темпоральности в актах сознания. Структура феноменологического события такова, что конституирование процесса перцепции происходит на фоне времени культуры. Эффекты внутренней темпоральности, означенные в терминах *телос*, *полис*, *агора*, отражаются в опыте суждения как феноменология истории.

Политическая конституитивность может опережать социальную. Так, после распада СССР на Украине появилось новое поколение, не знавшее целостности славянских республик, которые когда-то выступали ядром советской государственности. Становление новой политической идентичности произошло за каких-то 10-15 лет, результатом этого стала активная трансформирующая роль *generation NEXT* в политических преобразованиях, в то время как для социального окружения эти преобразования кажутся искусственными и целиком спланированными какими-то заговорщиками. Несмотря на то, что конспирологический момент может присутствовать в управлении обществом, факт формирования новой украинской идентичности нельзя отрицать.

Феноменология может найти своё применение в сфере государственно-общественных отношений в исследовании политического идеализма и утопизма, принципов справедливости, социальных реформ и традиционализма, роли художественных практик в политике (акционизм, перформанс, флэшмоб, арт-инсталляции), в новейшем дискурсе права и морали человека (права животных, вивисекция, однополые браки, ассистированная репродукция, клонирование, трансплантация органов).

Социокультурная феноменология по своей оснастке представляет наибольшие возможности для включённого наблюдения изучаемого объекта. Благодаря таким категориям, как интенциональность, конституитивность, интересубъективность, конкретизация, она когерентно описывает сложные социокультурные объекты современного общества, с пониманием их значимости и особенностей, что делает социокультурную феноменологию ценным гуманитарным инструментом.

Список источников

1. Гайденок П. П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 528 с.
2. Ткаченко Д. А. Проект феноменологии политики А. М. Пятигорского [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/page48378512.htm> (дата обращения: 15.09.2017).
3. Хлебников В. Творения [Электронный ресурс]. URL: <http://fictionbook.in/velimir-hlebnikov-tvoreniya.html?page=148> (дата обращения: 11.10.2017).
4. Sharma A. To the Things Themselves: Essays on the Discourse and Practice of the Phenomonology of Religion / with the foreword of Jacques Wardenburg Berlin. N. Y.: De Gruyter, 2001. 315 p.

SOCIO-CULTURAL PHENOMENOLOGY AS A TOOL OF PUBLIC COGNITION

Timoshchuk Elena Andreevna, Ph. D. in Philosophy
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e@timos.elcom.ru

Socio-cultural phenomenology proceeds from the assumption that many transcendental subjects create the world of culture through phenomenological strategies of ontological multiplicity and constitutive character of the vital world. At the same time intentionality promotes the formation of joints between heterogeneous cultural worlds, and concretization as a method of contextual correlation generates consensus formations, semantic clusters.

Key words and phrases: constitutive character; phenomenology; Husserl; sociodynamics; vital world; intersubjectivity; multi-layeredness; phenomenology of culture.